

КНИГА НОВОГО СОЛНЦА

ТЕНЬ ПАЛАЧА

КОГОТЬ МИРОТВОРЦА

МЕЧ ЛИКТОРА

ЦИТАДЕЛЬ АВТАРХА

УРД НОВОГО СОЛНЦА

THE BOOK OF THE LONG SUN

NIGHTSIDE THE LONG SUN

LAKE OF THE LONG SUN

CALDE OF THE LONG SUN

EXODUS FROM THE LONG SUN

THE BOOK OF THE SHORT SUN

ON BLUE`S WATERS

IN GREEN`S JUNGLES

RETURN TO THE WHORL

THE BOOK OF THE NEW SUN

GENE WOLFE

SHADOW AND CLAW

THE SHADOW OF THE TORTURER

THE CLAW OF THE CONCILIATOR

КНИГА НОВОГО СОЛНЦА

ДЖИН ВУЛФ

ТЕНЬ И КОГОТЬ

ТЕНЬ ПАЛАЧА

КОГОТЬ МИРОТВОРЦА

fanzon

МОСКВА

2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
В88

Gene Wolfe
THE SHADOW OF THE TORTURER
Copyright © 1980 by Gene Wolfe

Gene Wolfe
THE CLAW OF THE CONCILIATOR
Copyright © 1981 by Gene Wolfe

Публикуется с разрешения наследников автора
и Virginia Kidd Agency Inc. США
и агентства Александра Корженевского, Россия.

Cover © Dark Crayon

Вулф, Джин.
В88 Тень и Коготь / Джин Вулф ; [перевод с английского
Д. Старкова]. — Москва : Эксмо, 2022. — 704 с. — (Fantasy
World. Лучшая современная фэнтези).

ISBN 978-5-04-164780-3

«Книга Нового Солнца» Джина Вулфа — один из самых известных научно-фантастических циклов всех времен. Это длинный волшебный роман в четырех частях. «Тень и Коготь» содержит первые две: «Тень палача» и «Коготь Миротворца», которые были награждены Всемирной премией фэнтези и премией «Небьюла».

Севериан, скромный ученик палача, благословленный и проклятый даром фотографической памяти, повествует о пути, ведущим его через секс, предательства, изгнание, убийства, заговоры и тайны — к взрослению и вершине власти над древним миром Урд, озаренным умирающим солнцем.

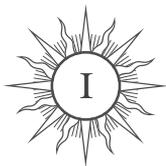
УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-164780-3

© Д. Старков, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ТЕНЬ
ПАЛАЧА

*Тысячелетья – ничто пред тобой,
Столь быстротечен их лёт;
Краток, как стража, вершащая ночь,
Прежде чем солнце взойдет.*

ВОСКРЕСЕНИЕ И СМЕРТЬ

Быть может, свое будущее я предчувствовал с самого начала. Ржавая решетка ворот, преградившая нам путь, и пряди тянувшегося с реки тумана, обволакивавшие острые наверх прутьев, словно горные пики, и поныне остаются для меня символами изгнания. Вот почему моя повесть начинается сразу после того, как мы переплыли реку, причем я, ученик гильдии палачей Севериан, едва не утонул.

— А стража-то нет, — сказал Рох, мой друг, Дротту, хотя тот и без него отлично видел, как обстоят дела.

Парнишка по имени Эата неуверенно предложил обойти кругом. Кивок и взмах веснушчатой руки означали несколько тысяч шагов через трущобы под стеной и подъем по склону холма — туда, где стена Цитадели выше всего. Этот путь мне еще предстоит пройти — гораздо позже.

— И нас вот так, запросто, пропустят через барбакан? Ведь за мастером Гюрло пошлют.

— Но почему стража на месте нет?

— Да какая разница? — Дротт тряхнул решетку. — Эата, попробуй — может, пролезешь меж прутьев.

Что ж, Дротт — наш капитан. Эата просунул сквозь прутья плечо и руку, и тут же стало ясно, что дело безнадежно: туловище не пройдет.

— Кто-то идет, — прошептал Рох.

Дротт тут же выдернул из решетки Эату.

Я оглянулся. Там, в конце улицы, мелькали фонари; до ушей моих донеслись шаги и голоса. Я приготовился прятаться, но Рох удержал меня:

— Погоди! Они с пиками!

— Думаешь, страж возвращается?

Он покачал головой:

— Слишком много.

— По меньшей мере дюжина, — подтвердил Дротт.

Мы еще не обсохли после купания в Гьёлле. В памяти своей я и посейчас стою у тех ворот, дрожа от холода. Как все, что, будучи с виду непреходящим, неотвратимо идет к концу, мгновения, казавшиеся тогда неимоверно быстрыми, напротив, возрождаются вновь и вновь — не только в памяти моей (которая в конечном счете не позволяет пропасть ничему), в биении сердца, в морозце по коже возобновляются они, совсем как наше Содружество ежеутренне возрождается к жизни под пронзительный рев горнов.

Насколько позволял судить тускло-желтый свет фонарей, доспехов на подошедших не было, однако при них имелись не только замеченные Дроттом пики, но и топоры с посохами. Вдобавок на поясе у вожака красовался длинный обоюдоострый нож, однако меня гораздо сильнее заинтересовал увесистый ключ на шнурке, обвивавшем его шею: с виду он вполне подошел бы к замку на воротах.

Малыш Эата беспокойно шевельнулся. Главный, заметив нас, поднял фонарь над головой.

— Мы ждем здесь, чтобы пройти внутрь, добрый человек, — громко сказал Дротт.

Ростом он был повыше, но темное лицо его выражало крайнюю степень почтения.

— Только после рассвета, — буркнул вожак. — А пока, ребята, ступайте-ка по домам.

— Добрый человек, страж должен был впустить нас, но отлучился куда-то...

Вожак шагнул к нам, причем ладонь его легла на рукоять ножа.

— Нынче ночью вы сюда не пройдете.

Тут мне сделалось малость не по себе: что, если он догадался, кто мы?

Дротт отступил, а мы встали за его спиной.

— Кто вы, добрые люди? С виду — не солдаты...

— Мы добровольцы, — ответил один из подошедших. — Пришли охранять своих мертвых.

— Значит, вы можете пропустить нас.

Вожак отвернулся.

— Туда не войдет никто, кроме нас.

Ключ его заскрежетал в замке. Ворота распахнулись, и, прежде чем кто-либо успел помешать, Эата метнулся внутрь. Кто-то выругался; вожак и еще двое добровольцев ринулись следом, но Эата оказался проворней. Его шевелюра цвета пеньки и залатанная рубаха, попетляв среди осевших могил нищих, исчезли в зарослях изваяний выше по склону. Дротт тоже устремился за ним, но его схватили за руки.

— Нужно же найти его! Не украдем мы ваших мертвых...

— А тогда зачем вам туда понадобилось? — спросил один из добровольцев.

— Травы собрать, — отвечал Дротт. — Мы — подмастерья у лекаря. Больных ведь нужно лечить, как по-твоему?

Доброволец молча таращился на него. Погнавшись за Эатой, человек с ключом бросил фонарь. В неверном свете оставшихся двух фонарей доброволец выглядел сушим простаком — должно быть, из чернорабочих.

— Ты должен знать, — продолжал Дротт, — что некоторые ингредиенты обретают полную силу, лишь будучи извлеченными из кладбищенской почвы при лунном свете. Скоро ударят заморозки, и все погибнет, а нашим мастерам без запасов на зиму не обойтись. Три мастера устроили нам разрешение войти сюда нынче ночью; этого же парнишку я нанял у его отца нам в помощь.

— А вам не во что складывать эти... ингредиенты!

До сих пор не устаю восхищаться находчивостью Дротта!

— Мы вяжем их в снопы и высушиваем, — с этими словами он без малейшей заминки вынул из кармана клубок обычной бечевки.

— Понятно... — пробормотал доброволец, явно ничего не понимавший.

Мы с Рохом придвинулись к воротам поближе, но Дротт, напротив, отступил на шаг.

— Если вы не позволите нам собрать травы, мы лучше пойдем. Пожалуй, мы теперь не отыщем там даже этого паренька.

— Никуда вы не пойдете. Его нужно выгнать оттуда.

— Хорошо...

Дротт нехотя шагнул в ворота. Мы в сопровождении добровольцев двинулись за ним. Вот некоторые мистические доктрины утверждают, будто материальный мир создан не чем иным, как человеческим разумом, поскольку управляют нами искусственные категории, в которые мы помещаем предметы по существу недифференцированные, еще более неосозаемые, чем изобретенные для них слова. Вот этот самый принцип я в ту ночь понял интуитивно, едва услышав, как доброволец, замыкавший шествие, захлопнул за нами ворота.

— Ну, я пойду присмотреть за матерью, — сказал доброволец, до сих пор молчавший. — И так сколько времени потратили даром — ее бы уже за лигу отсюда могли унести!

Прочие согласно забормотали, и отряд рассыпался. Один фонарь двинулся влево, другой — вправо. Мы же с оставшимися добровольцами поднялись на центральную аллею, по которой всегда возвращались к рухнувшему участку стены Цитадели.

Я ничего не забываю. В этом — моя природа, радость моя и проклятие. Каждый лязг цепи и посвист ветра, отенок, запах и вкус сохраняются в памяти моей неизмен-

ными. Я знаю, что так бывает не со всеми, однако не могу представить, как может быть иначе. Наверное, это — наподобие сна, когда не осознаешь того, что творится вокруг. А несколько белых ступеней, ведущих к центральной аллее, и сейчас стоят перед моим взором...

Воздух становился все холоднее. Света при нас не было, да вдобавок с Гьёлля начал подниматься туман. Несколько птиц, прилетевших переночевать в ветвях сосен и кипарисов, никак не могли угомониться и тяжело перепархивали с дерева на дерево. Я помню, что чувствовали мои ладони, растиравшие мерзнувшие плечи, помню мерцание удалявшихся фонарей среди надгробных стел, помню запах реки, принесенный туманом и насквозь пропитавший мою рубашку, смешавшись с резким запахом свежевскопанной земли. В тот день я едва не утонул, запутавшись в гуще подводных корней, а ночью впервые почувствовал себя взрослым.

Раздался выстрел — я никогда прежде не видел такого. Лиловая молния расщепила темноту, словно клин, и темнота с громом сомкнулась вновь. Где-то рухнул монумент. И вновь — тишина, в которой, казалось, растворилось все вокруг. Мы пустились бежать. Неподалеку закричали люди, сталь зазвенела о камень, точно чей-то баделер ударил по могильной плите. Я рванулся прочь по совершенно незнакомой (по крайней мере, так мне показалось) аллее, узкой — едва-едва разойтись двоим, устланной обломками костей и, точно сломанное ребро, вонзавшейся в небольшую низинку. В тумане не разглядеть было ничего, кроме темных глыб памятников по бокам аллейки. Затем дорожка внезапно, точно ее выдернули из-под ног, исчезла — видимо, я где-то прозевал поворот. Едва увернувшись от обелиска, словно из-под земли выросшего передо мной, я на полном ходу врезался в человека, одетого в черное пальто.

Он оказался жестким, точно дерево; удар при столкновении сшиб меня с ног и на время лишил способности

дышать. Человек в черном пальто тихо выругался, а затем я услышал свист рассеченного клинком воздуха.

— Что случилось? — спросил другой голос.

— Кто-то налетел на меня. Налетел и исчез, кем бы он ни был.

Я замер.

— Открой фонарь.

Этот голос принадлежал женщине и был очень похож на воркованье голубки, если не считать повелительного тона.

— Госпожа, они накинутся на нас, как стая дхолой, — возразил тот, на кого я налетел.

— Они в любом случае скоро будут здесь — Водал стрелял. Ты должен был слышать.

— Ну выстрел их скорее отпугнет...

В разговор снова вступил человек, заговоривший первым, — я был тогда еще слишком неопытен, чтобы распознать характерный акцент экзультанта:

— Лучше бы я не брал этого с собой. Против людей такого сорта — нужды нет.

Теперь он был гораздо ближе; какое-то мгновение я мог видеть его сквозь туман. Очень высокий, худошавый, с непокрытой головой, он стоял возле толстяка, на которого я наткнулся. Третьей была женщина, закутанная в черное. Лишившись дыханья, я не в силах был двигаться, однако как-то сумел отползти за постамент статуи и, едва оказавшись в безопасном месте, снова принялся наблюдать за ними.

Мало-помалу глаза привыкали к темноте. Разглядев правильное, продолговатое лицо женщины, я отметил, что она почти одного роста с худошавым человеком по имени Водал.

— Трави помалу, — скомандовал толстяк, скрытый теперь от моих глаз.

На слух, он находился всего лишь в паре шагов от того места, где я прятался, но из виду пропал надежно, точно

вода, вылитая в колодец. Затем я увидел, как к ногам худощавого придвинулось что-то черное (должно быть, тулья шляпы толстяка), и понял, в чем дело: толстяк спустился в могильную яму!

— Как она? — спросила женщина.

— Свежа, как роза, госпожа! Запаха почти не чувствуется, тревожиться не о чем. — С невероятным для его сложения проворством он выпрыгнул из ямы. — Берите другой конец, сеньор; вытащим легче, чем морковь из грядки!

Что сказала после этого женщина, я не расслышал. Худощавый ответил:

— Это тебе не стоило ходить с нами, Тея. Как я буду выглядеть перед остальными, если вовсе ничем не рискую?

Они с толстяком закричали от напряжения, и я увидел, как возле их ног появилось что-то белое. Оба наклонились, чтобы поднять его. И вдруг — точно амшаспанд коснулся их сияющим жезлом — туман всклубился, уступив дорогу зеленому лунному лучу. В руках их был труп, тело женщины. Темные волосы ее спутались, лиловато-серое лицо отчетливо контрастировало с длинным платьем из какой-то светлой ткани.

— Видишь, сеньор? — сказал толстяк. — Как я и говорил. Ну вот, госпожа, осталось всего ничего. Только за стену переправить.

Стоило этим словам слететь с его губ, неподалеку вскрикнули, и на дорожке, ведущей в низинку, появились трое добровольцев.

— Придержи их, сеньор, — буркнул толстяк, взваливая тело на плечо. — Я пригляжу за дамами.

— Возьми это, — сказал Водал.

Поданный им пистолет сверкнул в лунном луче, словно зеркальце.

— Сеньор, — ахнул толстяк, — я и в руках-то никогда не держал...

— Возьми, может пригодиться!

Нагнувшись, Водал поднял с земли что-то наподобие темной палки. Шорох металла о дерево — и в руке его оказался узкий блестящий клинок.

— *Защищайтесь!* — крикнул он.

Женщина, точно голубка, слышавшая клич арктотера, выхватила блестящий пистолет из руки толстяка, и оба они отступили в туман.

Трое добровольцев приостановились, затем один двинулся вправо, другой — влево, чтобы напасть разом с трех сторон. Оставшийся на белой дорожке из обломков костей был вооружен пикой, а один из его товарищей — топором.

Третьим оказался вожак добровольцев — тот самый, что разговаривал с Дроттом у ворот.

— Кто ты такой?! — закричал он. — Какого Эреба явился сюда и чинишь непотребства?!

Водал молчал, но острое его клинка пристально следило за добровольцами.

— Вместе, разом! — зарычал вожак. — Вперед!

Однако добровольцы замешкались, и прежде чем они смогли приблизиться, Водал ринулся в атаку. Клинок его, сверкнув в тусклом лунном луче, заскрежетал о наверхие пики — точно стальная змея скользнула по бревну из железа. Пикинер с воплем отскочил назад; Водал (наверное, опасаясь, как бы двое оставшихся не зашли с тыла) отпрыгнул тоже, потерял равновесие и упал.

Все происходило в темноте, да и туман отнюдь не улучшал видимости. Конечно, я видел все, однако и мужчины, и женщина с правильным, округлым лицом казались мне лишь темными силуэтами. И все же что-то в происходящем тронуло мое сердце. Очевидно, готовность Водала умереть, защищая эту женщину, заставила меня проникнуться к ней особой симпатией, а уж восхищение самим Водалом внушала наверняка. Сколько раз с тех пор я, стоя на шатком помосте посреди рыночной площади какого-нибудь за-

штатного городишки и заноса мой верный «Терминус Эст» над головою какого-нибудь жалкого бродяги, окутанный ненавистью толпы и — что еще омерзительнее — грязным сладострастием тех, кому доставляет наслаждение чужая боль и смерть, вспоминал Водала на краю могильной ямы и поднимал клинок так, словно бью за него!

Водал, как я уже говорил, споткнулся. В тот миг я поверил, будто вся жизнь моя брошена на чашу весов вместе с его жизнью.

Добровольцы, зашедшие с флангов, кинулись на него, но оружия из рук он не выпустил. Клинок сверкнул в воздухе, хотя хозяин его еще не успел подняться. Помнится, я подумал, что мне очень пригодился бы такой же в тот день, когда Дротт сделался капитаном учеников, а затем живо представил себя на месте Водала.

Человек с топором, в чью сторону был сделан выпад, отступил, а другой ринулся в атаку, выставив перед собою нож. Я к этому моменту уже поднялся на ноги и наблюдал за схваткой через плечо халцедонового ангела. Водал едва увернулся от удара, и нож вожака добровольцев ушел в землю по самую гарду. Водал отмахнулся от противника шпагой, но клинок ее был слишком длинен для ближнего боя. Вместо того чтобы отступить, вожак добровольцев бросил оружие и взял Водала в борцовский захват. Дрались они на самом краю могильной ямы — наверное, Водал увяз в вынутой из нее земле.

Второй доброволец поднял топор, но в последний миг замешкался — ближним к нему был вожак. Тогда он обошел сцепившихся на краю могилы, чтобы ударить наверняка, и оказался меньше чем в шаге от моего укрытия. Пока он менял позицию, Водал вытащил из земли нож и вонзил его в глотку вожака. Топор взметнулся вверх; я почти рефлекторно поймал топорище под самым лезвием и тут же оказался в самой гуще событий. Ударил ногой, взмахнул топором — и внезапно обнаружил, что все кончено.